

Китс стал вампиром примерно через четыре года после меня. Ему был двадцать один год, он учился в местном колледже Аламо, работал в какой-то компании по программированию и хакерству, которой управляли богатые старики.

Они думали, что он просто гениален. И он был, хотя и не столь блестящ, как человек, работавший в лаборатории напротив офиса хакера, человека, которого Китс знал только как Уилла.

Все слухи об Уилле были связаны с его исключительной трудовой этикой, с тем, что человек, который работает весь день и полночи, который, казалось, постоянно находится в соседней лаборатории, даже когда кто-то приходит в субботу, чтобы забрать забытый подарок на день рождения, наверняка станет миллионером еще до того, как ему исполнится сорок.

Казалось, никто не замечал, что он не ест кексы с зеленой глазурью, когда его приглашали на ежегодную вечеринку в честь Дня Святого Патрика.

Китс заметил, что все курьерши пускают слюни, как только видят Уилла, и что ни одна из них не взглянула на него дважды. Китс старался не винить их. Он все еще выглядел так, словно был капитаном школьной шахматной команды. Он всегда говорил только одному человеку, что одним из лучших лет его жизни был год, когда он был талисманом средней школы, потому что все любили гигантскую раковину Брахмы, и он мог спрятаться внутри костюма и быть кем-то другим, чем он сам.

Китс никогда этого не говорил, но мне казалось, что он проводит на работе почти столько же времени, сколько Уилл в те дни. Это была бы его маска Брахмы-хакер Китс был личностью, которую ценили, даже восхищались ею. Он был бы самым ценным сотрудником компании. И Китс действительно любил свою работу.

Возможно, это одна из причин, по которой ему так трудно было смириться с новой жизнью. До того как стать вампиром, я работала стажером в большом рекламном агентстве—настолько большом, что руководитель моего проекта так и не узнал моего имени. По вечерам я отправлялась прямо из рекламного агентства в телемаркетинг США, где работала помощником менеджера. Моя работа состояла в том, чтобы кричать на всех лакеев, которые пользовались телефонами компании, чтобы позвонить своим подругам в Японию, и на всех остальных сотрудников, которые никогда не могли выполнить возмутительную квоту, установленную высшим руководством, которое не набирало номера десятилетиями.

Поэтому, когда я проснулась голым на крыше машины в Денвере и поняла, сколько дней работы я пропустила, это было для меня плюсом. Может быть, мне промыли мозги, протащили через полстраны, бросили без денег и документов, оставили искать дорогу домой. Но, по крайней мере, мне не придется возвращаться на работу.

Китс любил свою работу.

И вот однажды он проснулся на крыльце бара "салат и паста Бенальо". Солнце обожгло его

кожу, как будто кто-то держал зажженную зажигалку против солнечного ожога. Он отполз от солнца, прежде чем понял, что не обгорел, а солнце все еще стояло низко в небе. Но он был без рубашки. И без штанов. Рекламный лист мебельного магазина на тротуаре сообщил ему, что он находится в Лаббоке, штат Техас. Он прикрылся листовкой и сказал себе, что крик-не самый продуктивный вариант.

Может быть, есть причина, по которой мы преобразуемся так далеко от дома и остаемся такими нищими. Но зачем судьям красть нашу одежду? Это просто подло. Я всегда представляю, как они раздевают потерявшего сознание вампира на заднем сиденье лимузина, останавливаются, чтобы вышвырнуть его на улицу, а затем убегают, смеясь так сильно, что едва могут дышать. Интересно, есть ли где-нибудь хранилище вампирского нижнего белья или они носят нашу одежду после того, как покинули нас.

Китсу повезло. Через десять минут добрый старик нашел его, предположил, что он стал жертвой какой-то жестокой шутки (никто еще не знал, насколько жестокой), и подвел к старому серому пикапу. Китс сел на пассажирское сиденье и прикрылся ковбойской шляпой мужчины. Они поехали в "Уол-Март", и там старик купил Китсу новую одежду и обувь.

Китсу хотелось плакать. Он не мог, но он не узнает этого еще два часа.

Старик сел за руль и протянул Китсу сумку с одеждой. Китс оделся так быстро, как только мог.

- Спасибо, - сказал он. - Я просто не могу даже...спасибо."

- Не стоит об этом, малыш, - сказал старик. - Я просто надеюсь, что ты поквитаешься с теми, кто тебя так бросил."

- Я бы так и сделал. Если бы я знал, кто это."

Мужчина усмехнулся. - Ну, тогда я бы посоветовал пить поменьше по выходным."

Китс тоже попытался засмеяться, но не мог припомнить, чтобы пил что-нибудь в течение нескольких месяцев, с тех пор как Фернандо принес на работу бутылку "столи" и разлил ее по стаканчикам "Дикси".

- Мне бы очень не хотелось просить вас о чем-то еще, но если бы у меня была пара Четвертаков, чтобы позвонить ... —"

- Как тебя зовут, Малыш? - спросил старик.

Китс рассказал ему.

"Своеобразно. Как бы то ни было, Китс, я не собираюсь высаживать тебя посреди пустыни."

Китс покачал головой.

Старик повернул ключ, и зажигание, казалось, мотор взорвался, прежде чем перешло в ровное урчание. -Ну, Меня зовут Леонард. И хватит с меня твоих манер, - сказал он. -Думаю, нам нужно позавтракать, а потом мы поговорим о том, как доставить тебя домой."

Китсу хотелось возразить, но он умирал с голоду.

Леонард подвез его к маленькому грязному буфету.

В промежутках между глотанием и минимальным пережевыванием Китс отвечал на все вопросы Леонарда. Он сказал, что живет в Сан-Антонио. Он не мог вспомнить, как попал сюда, что случилось, с кем он был. Последнее, что он помнил, - это как он смотрел повтор "умники и умницы", когда ложился спать. Ничего больше. Нет, у него не было семьи. Его родители жили в Аламо-Хайтс, но теперь они умерли.

У его друга Фернандо была сестра в Лаббоке. Китс встречался с ней дважды. Если бы он мог позвонить Фернандо и узнать адрес сестры, он мог бы провести ночь на ее диване, может быть, подождать там и попросить у Фернандо его банковскую карточку и удостоверение личности. Четыреста миль-это слишком далеко, чтобы просить кого-то заехать за ним.

Леонард усмехнулся. Он сделал глоток черного кофе, откусил кусочек бекона и сказал: "Ты все это решил за час, прошедший с тех пор, как я тебя нашел?"

Китс кивнул.

-Ну, по-моему, это хороший план. Вот что я тебе скажу: давай я дам тебе немного налички, чтобы ты мог остаться, и я отвезу тебя домой к сестре, как только ты узнаешь, где это."

Китс согласился, но при условии, что Леонард также передаст ему свой почтовый адрес, чтобы Китс мог вернуть ему деньги, как только вернется домой. Леонарду это не понравилось, но он сдался, когда понял, что Китс не согласится.

Леонард положил на стол пару четвертаков, и Китс направился к телефону-автомату в глубине закуской. Он по памяти набрал номер офиса и попросил Мануэля соединить его с Фернандо.

- Парень, где тебя черти носили?- Спросил Фернандо. - Что случилось?"

Китс объяснил, как мог.

-Но ... - начал Фернандо. - Тебя не было четыре дня. Ты ничего не помнишь?"

Китс уронил трубку и попытался поднять ее снова. -Не знаю, - ответил он. Затем, стараясь не думать ни о чем, кроме возвращения домой, он сказал Фернандо, что ему нужно, и Фернандо дал ему адрес, сказал, что позвонит Габриэлле, чтобы сообщить ей о приезде Китса, и пообещал получить банковскую карточку по почте в течение часа.

Китс вернулся к столу и сказал Леонарду, что все будет хорошо.

Но четыре дня. Как такое возможно?

К этому времени Китс уже успел проглотить две тарелки. Он уже приступил к третьему, когда его затошнило.

- Извините, - сказал он и побежал в туалет.

Китса вырвало, и он все еще тяжело дышал, когда Леонард помог ему добраться до грузовика и вручил пустой мешок, в котором полчаса назад лежала новая одежда Китса. Китс держал мешок под подбородком, думая, что было бы нечестно отплатить старику за его невероятную щедрость забрызганной рвотой приборной доской.

Затем Леонард поехал в аптеку. Он достал пакет с лекарствами от тошноты, но к тому времени, как он прошел через очередь к самому медлительному кассиру в мире, Китса уже тошнило, и он снова умирал с голоду.

Он снова хотел заплакать, но не мог.

Четыре дня.

Когда Леонард снова сел за руль, Китс настоял, чтобы они направились к дому Габриэлле. Леонард и так уже сделал для него слишком много.

Они слушали старую радиостанцию-Пэтси Клайн оплакивала давно ушедших любовников. Китс не хотел разговаривать, и Леонард позволил ему молчать. Здания и машины, проносящиеся мимо окон, вызывали у Китса тошноту, поэтому он сосредоточился на коленях своих новых жестких джинсов, а затем позволил взгляду блуждать по внутренностям грузовика.

Один из этих зеленых освежителей воздуха в форме дерева торчал из пустой пепельницы. С зеркала заднего вида на веревочке с нарисованными макаронами свисала маленькая девочка в сказочном костюме.

Леонард сидел так, словно провел в грузовике всю свою жизнь: одна загорелая рука была прислонена к боковому стеклу, другая, более бледная, лежала на руле, так что он вел машину запястьем. Он смотрел вперед, как будто там было что-то интересное, а не мили и мили плос, скучной дороги.

Китс наблюдал за ним. Он почти видел пульс на тонкой шее мужчины, определенно слышал его. Это был звук, который говорил прямо в его желудок, минуя мозг, потому что он мог сказать ему, что его мысли были хуже, чем сумасшедшие. Это было убийство, и даже хуже, чем убийство.

Но где-то по дороге к дому Габриэлы мысли Китса растворились в голоде, и предупреждение, которое мог бы дать ему мозг, затерялось в шуме мотора и гулком пульсе Леонарда.

<http://tl.rulate.ru/book/42190/965277>